

Альтер М.

Шепот из подвала

Альтер М.

Шепот из подвала

«Автор»

2026

М. А.

Шепот из подвала / А. М. — «Автор», 2026

После развода мужчина покупает уединённый дом, надеясь обрести покой. В подвале он находит старинный радиоприёмник, который ловит не радиоволны, а голоса из прошлого. Попытка спасти одну из жертв оборачивается ловушкой: его собственный голос теперь звучит в чужом времени, подсказывая убийце, как замести следы. Спасая других, герой должен спасти себя — пока его собственный труп не стал очередной находкой в мрачном подвале. Психологический триллер о времени, вине и цене вмешательства.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Цена уединения	5
Глава вторая. Эхо в костях	13
Глава третья. Голоса в крови	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Альтер М. Шепот из подвала

Глава первая. Цена уединения

Дом не продавался — он ждал. Это было первое, что пришло в голову Алексею, когда старенький внедорожник, прослуживший верой и правдой куда дольше его брака, замер на гравийной дорожке. Мотор чихнул напоследок, словно прощаясь, и воцарилась та особенная, ватная тишина, какая бывает лишь вдали от городов. Тишина, от которой с непривычки закладывает уши, а собственное дыхание начинает казаться оглушительно громким.

Алексей заглушил двигатель, но не спешил выходить. Пальцы, все еще сжимавшие руль, слегка подрагивали — то ли от усталости после четырех часов за рулем, то ли от нервного истощения последних месяцев. Бракоразводный процесс высосал из него все соки. Суды, раздел имущества, истерики Лены, ее обвинения в черствости и эмоциональной глухоте, холодные глаза адвокатов, подсчитывающих каждый рубль... В какой-то момент Алексей понял, что готов отдать все, лишь бы это прекратилось. И он отдал. Квартиру в центре, машину, сбережения — все, что нажил за сорок два года жизни. Себе оставил лишь этот старый внедорожник, зарегистрированный на мать, да небольшую заначку, которой как раз хватило на этот дом.

Дом.

Он поднял взгляд и сквозь пыльное лобовое стекло впервые рассмотрел свое новое пристанище по-настоящему. Объявление в интернете гласило: «Продается дом в тихом районе, требует ремонта, цена договорная». Фотографии были размытыми, сделанными словно второпях. Риелтор — нервный мужчина с бегающими глазами по фамилии Завьялов — мялся и говорил о «богатой истории дома» и «уникальной атмосфере». Тогда, в душном офисе агентства, пропахшем дешевым кофе и безысходностью, Алексею было плевать. Ему нужно было исчезнуть. Раствориться. Сбежать от всего: от бывшей жены, от ее нового ухажера — какого-то преуспевающего стоматолога с голливудской улыбкой, — от сочувствующих взглядов коллег, от вопросов друзей, которые перестали звонить, потому что не знали, что сказать. Ему нужна была берлога. Нора, в которой можно зализать раны и попытаться собрать себя заново, как разбитую вазу.

Дом выглядел именно так, как ощущал себя Алексей внутри: старым, заброшенным, но еще цепляющимся за жизнь. Двухэтажное строение, почерневшее от времени и непогоды. Крыша местами просела, водосточные трубы проржавели и отходили от стен, обнажая шерба-тые кирпичи кладки. Окна, словно бельма, смотрели на мир мутными стеклами, засиженными мухами. Крыльцо покосилось, и три деревянные ступеньки вели к массивной дубовой двери, обитой металлическими полосами. Когда-то, наверное, дом был крепким и даже красивым — в нем угадывались следы провинциального купеческого ампира: пилястры по углам, резные наличники, сохранившиеся фрагментами, высокий фундамент из дикого камня. Но время и запустение сделали свое дело.

Вокруг дома буйствовал одичавший сад. Яблони и вишни переплелись ветвями, образуя темный тоннель, ведущий куда-то в глубину участка. Кусты крыжовника разрослись в колючие заросли. Высокая, некошенная трава доходила почти до пояса, скрывая какие-то старые бочки, груды кирпичей и прочий хлам. Слева от дома темнел сарай с провалившейся крышей, справа — остатки беседки, увитые диким виноградом. Участок граничил с лесом — густым, хвойным, подступавшим почти вплотную к задней стене дома. Ближайший поселок, как помнил Алексей из объяснений риелтора, находился в десяти километрах. «Глухомань, — подумал он тогда. — То, что доктор прописал». И, не торгуясь, перевел задаток.

Теперь, глядя на все это великолепие, он не чувствовал ни разочарования, ни радости. Только странное, тягучее оцепенение, словно он смотрел не на реальный дом, а на декорацию к фильму, жанр которого еще не определил. То ли драма, то ли триллер.

Алексей наконец выбрался из машины. Воздух пах прелой листвой, хвоей и сырой землей. К этому примешивался еще какой-то едва уловимый, сладковатый запах гниения — возможно, где-то в траве лежала дохлая мышь или птица. Захлопнув дверцу, он потянулся, разминая затекшую спину. Хруст в позвоночнике прозвучал как-то особенно отчетливо в этой давящей тишине. Ни лая собак, ни шума проезжающих машин, ни голосов. Только ветер гудит в верхушках сосен, да где-то далеко-далеко стучит дятел, словно отбойный молоток в руках у призрачного строителя.

Он достал из багажника две большие спортивные сумки. Все его имущество, нажитое к сорока двум годам. Вещей, которые он решил взять с собой, оказалось до обидного мало: одежда, ноутбук, пара книг, кое-какие инструменты, аптечка, постельное белье. Все остальное пошло на распродажу или было выброшено. Расставаясь с некогда любимыми предметами, Алексей не испытывал сожаления. Скорее, чувствовал странную легкость. Словно избавлялся от якорей, тянувших его на дно.

Ключ — тяжелый, старинный, с замысловатой бородкой — был спрятан под шербохатой половицей на крыльце, как и обещал Завьялов. Холодный металл обжег ладонь. Замок долго не поддавался, скрежетал и скрипел, словно не желая пускать нового хозяина внутрь. Наконец, с тяжелым стоном, дверь отворилась.

Из дома пахло холодом, сыростью и запустением. Пыльные тряпки паутины свисали с потолка, как грязные театральные занавеси. Алексей шагнул в полумрак прихожей. Пол под ногами жалобно скрипнул.

Первое, что бросилось в глаза — огромное зеркало в тяжелой деревянной раме, висевшее прямо напротив входа. Стекло было мутным, покрытым сетью мелких трещин, словно кто-то пытался разбить его, но не довел дело до конца. В этом мутном омуте отразился высокий, сутуловатый мужчина с тронутыми сединой висками, трехдневной щетиной и темными кругами под глазами. Выцветшая футболка болталась на исхудавшем торсе. Глаза смотрели затравленно и устало. Алексей не сразу узнал себя. «И правда, развалина», — мелькнула мысль. Он отвернулся от зеркала. Ему не хотелось смотреть на свое отражение. Оно напоминало о том, кем он стал.

Планировка дома была незатейливой. Из прихожей коридор вел в три комнаты на первом этаже: гостиную с камином, спальню и кухню. В углу прихожей притулилась крутая деревянная лестница, ведущая на второй этаж, в мансарду, и еще одна дверь, за которой, по логике, должен был находиться спуск в подвал. Алексей первым делом отворил дверь на кухню. Большая, метров двадцать пять, с остатками печи и старой газовой плитой, которая выглядела так, будто пережила Вторую мировую. Краны на раковине заскрежетали, но вода, к его удивлению, пошла. Сперва ржавая, потом, спустя пару минут, чистая, но ледяная. Работало. Уже хорошо. Электричества не было. На счетчике висел замок, а провода в некоторых местах были порваны.

Спальня встретила его ржавым панцирным остоном кровати и трухой на полу. Ободранные обои свисали клочьями, обнажая почерневшие доски стен. Пахло мышами и плесенью. Гостиная была самой просторной комнатой, но и самой мрачной. Огромный камин, выложенный изразцами, зиял черным провалом. Мебель отсутствовала. Только старый, продавленный диван, обивка которого была изгрызена то ли крысами, то ли временем, сиротливо стоял у стены. Алексей бросил на него сумки. Ткань взметнула облако пыли. Он закашлялся.

Он обошел весь первый этаж, открывая окна, чтобы впустить хоть немного свежего воздуха. Дом нехотя светлел, обнажая следы чужой, прерванной жизни. На стене в гостиной остался прямоугольный след от картины. В кухне над плитой висел старый медный ковш, покрытый зеленоватым налетом. Кто здесь жил? Почему уехали? Или умерли? Риелтор гово-

рил что-то невнятное про наследников, которые не могли поделить имущество, и про то, что дом долго стоял закрытым. Мысли ворочались в голове тяжело, лениво. Ему было все равно.

Задняя дверь кухни вела на веранду, а оттуда — в сад, к лесу. Сквозь немытое стекло были видны темные стволы сосен, стоящие плотной стеной. Заходить туда пока не было ни малейшего желания. Он вернулся в прихожую. Оставалось последнее помещение — подвал. Дверь, ведущая вниз, была не заперта, но подалась с трудом, словно приросла к косяку. Из темного проема потянуло могильным холодом и запахом сырой земли. Гораздо сильнее, чем из остального дома. Запах был тяжелым, влажным, с примесью чего-то химического — не то машинного масла, не то керосина, не то еще какой-то дряни. Ступеньки круто уходили вниз, теряясь в чернильной тьме.

Фонарика в вещах не нашлось. Алексей чертыхнулся, вернулся в машину, порылся в бардачке и, наконец, нашел старый фонарь на аккумуляторе. Тот проработал от силы минуту и погас. Пришлось разбирать, зачищать контакты. Это простое механическое действие немного привело его в чувство, отвлекло от густого коктейля из апатии и тревоги, который плескался в груди. Наконец, луч света, пусть и неяркий, прорезал темноту подвала.

Спуск занял около пятнадцати ступеней. Подвал оказался обширным, гораздо больше, чем можно было предположить по размерам дома. Похоже, он уходил и под задний двор тоже. Сводчатые потолки из красного кирпича, покрытые высолами и паутиной. Земляной пол, плотно утрамбованный, местами залитый бетоном. Вдоль стен громоздились какие-то стеллажи, сбитые из грубых досок. На них стояли банки, бутылки, какие-то коробки. В углу при- тулился старый верстак с заржавевшими тисками.

Алексей медленно продвигался вперед, водя лучом фонаря из стороны в сторону. Сердце билось чуть быстрее обычного. Всегда, сколько он себя помнил, подвалы вызывали у него смутное, инстинктивное чувство страха. Не животного ужаса, а так — легкое покалывание в кончиках пальцев, обострение слуха. Казалось, что стены здесь дышат, а темнота сгущается за спиной, стоит только отвернуться. Детские страхи, подумал он. Глупые, иррациональные.

Он подошел к стеллажам. Пустые консервные банки, покрытые ржавчиной. Старая керосиновая лампа. Моток истлевшей бечевки. Ничего ценного или интересного — хлам, который лень было вывозить прежним владельцам. Алексей уже собирался подниматься наверх, чтобы проветрить помещение, когда луч фонаря выхватил из темноты нечто, стоявшее в самом дальнем углу, за верстаком.

Это был стол. Точнее, его остатки. Массивная столешница, покрытая пылью, опиралась на две уцелевшие ножки. Но внимание Алексея привлек не стол, а предмет, стоявший на нем.

Радиоприемник.

Он был старым, невероятно старым. Такие Алексей видел только в фильмах о войне или в антикварных лавках. Большой, тяжелый корпус из темного дерева, покрытого лаком, который потрескался и местами вздулся. Передняя панель была отделана тканью с золотистыми нитями, сквозь которую угадывался динамик. Две большие круглые ручки по бокам и продолговатая шкала с частотами посередине. На шкале еще можно было разобрать названия городов, написанные витиеватым, старым шрифтом: «Москва», «Ленинград», «Киев», «Варшава», «Берлин»... Над шкалой темнела эмблема какого-то завода — то ли «Звезда», то ли «Серп и Молот», стертая временем.

Алексей подошел ближе. Под ногой что-то хрустнуло — он опустил фонарь и увидел, что вокруг стола на земляном полу разбросаны осколки стекла. Он осторожно перешагнул через них. Приемник выглядел монументально и в то же время трагично, как забытый памятник ушедшей эпохе. Из задней стенки, там, где должны были быть лампы, торчали обрывки проводов. Кем бы ни был прежний владелец, он, похоже, пытался его починить, но бросил это занятие.

Алексея внезапно охватило странное любопытство. Среди всей этой разрухи, грязи и тлена приемник казался чем-то инородным, но притягательным. Слишком сложный, слишком дорогой для этой дыры предмет. Как он сюда попал? Почему его оставили? Он протянул руку и коснулся деревянного корпуса. Дерево было холодным и влажным на ощупь. Пальцы скользнули по гладкой поверхности ручки настройки.

И тут произошло нечто, отчего Алексей вздрогнул и отдернул руку. Приемник... ожил. Не засветился, не загудел — нет. Но из его тканевой панели, из динамика, послышался отчетливый, сухой треск. Абсолютно ясный, словно разряд статического электричества. Треск, которого быть не могло, ведь провод питания был оборван. Более того, провод питания был не просто оборван, а полностью отсоединен — Алексей видел концы проводов, свисающие из задней стенки. Приемник был мертв. Физически не способен издать ни звука.

Он замер, прислушиваясь. В подвале воцарилась звенящая тишина. Даже звуки снаружи — ветер, дятел — сюда не проникали. Только стук его собственного сердца, отдающийся в висках. Наверное, показалось. Усталость, нервы, воображение, разыгравшееся в незнакомом мрачном месте.

Он уже хотел уйти, убедить себя в том, что это слуховая галлюцинация, но любопытство — или что-то иное, более темное и липкое — удержало его на месте. Он снова, очень осторожно, коснулся ручки громкости. И снова — резкий, злой треск, похожий на звук разрываемой ткани. А следом — едва слышный, далекий, утопающий в шумах человеческий голос.

Это был даже не голос, а его фрагмент, обрывок слова, то ли вздох, то ли стон. «...жно...» — прошлестело из динамика и пропало. Шумы усилились, завывали на разные лады, словно ветер запутался в проводах. Алексей инстинктивно крутанул вторую ручку, отвечавшую за настройку частоты. Шкала под его пальцами осветилась слабым, призрачным желтоватым светом — должно быть, свечение исходило от древних радиоламп, чудом сохранивших какой-то заряд. Звук в динамике заметался: обрывки морзянки, свист, шипение, какофония помех... и вдруг — снова голос. На этот раз гораздо более отчетливый.

Женский. Молодой, испуганный, дрожащий, как натянутая струна.

«Пожалуйста... Не надо... Я никому не скажу, клянусь...»

Алексей отшатнулся, словно его ударило током. Рука сама собой дернула ручку в другую сторону, и голос пропал, утонул в шквале помех. По спине пробежал ледяной холод. Что это за чертовщина? Спектакль? Розыгрыш? Откуда в этом глухом, обесточенном доме, в сломанном приемнике, который даже не включен в розетку, женский голос? Может быть, где-то здесь спрятан диктофон? Или радиоволны действительно могут быть пойманы каким-то невероятным, катушечным способом, в обход провода питания?

Он опустился на корточки перед приемником, светя фонариком внутрь через щели задней стенки. Пыльные лампы, паутина, никаких следов современной техники. Он проверил стол — ничего. Осмотрел пол вокруг — только осколки стекла и слежавшаяся земля. Мозг инженера-электрика, коим Алексей был по образованию, лихорадочно искал рациональное объяснение. Электромагнитная индукция? Остаточная емкость конденсаторов? Какая-то природная аномалия? Может быть, дом стоит на залежах металлической руды, создающих дикое поле, в котором наводятся токи? Но это не объясняло человеческий голос. Голос, полный такого реального, животного ужаса, что у него самого волосы на руках встали дыбом.

Он выключил фонарь, надеясь унять дрожь в пальцах. В полной темноте подвала звук, вырывающийся из приемника, стал еще более жутким. Теперь сквозь шипение пробивался далекий, монотонный стук. Кап-кап-кап. Или это просто вода капает где-то в углу? Нет, звук шел именно из динамика. И ему вторил другой — мерное, тяжелое дыхание. Кто-то дышал в микрофон. Тяжело, с присвистом, как загнанный зверь.

«...Спусти его в подвал... — раздался вдруг глухой, низкий мужской голос, искаженный помехами, но отчетливо различимый. — ...никто не найдет... тихо...»

Алексей замер. Каждое слово било наотмашь, вытесняя из легких воздух. Тишина в подвале сгустилась до звона. Слышно было, как кровь пульсирует в ушах. Он прирос к месту. Мозг, натренированный годами работы с чертежами и схемами, отказывался обрабатывать поступающую информацию. Это невозможно. Этого не может быть. Это запись. Розыгрыш. Психоз на фоне стресса и переутомления. Мало ли что можно услышать в старом доме? Акустика, сквозняки... Но внутренний голос, тихий и беспощадный, нашептывал другое: «Ты слышал это. Ты слышал их. Они были настоящими».

Он резко выпрямился и, не помня себя, бросился вон из подвала. Ноги сами несли его вверх по скрипучим ступеням, подальше от этого наваждения. В прихожей он едва не врезался в проклятое зеркало и, увидев краем глаза свое белое, перекошенное лицо, отшатнулся, как от призрака. Выскочил на крыльцо, жадно глотая сырой, но живой воздух, пропахший хвоей и прелью.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в болезненно-розовые и сиреневые тона. Лес за домом стоял черной, непроницаемой стеной. Вокруг по-прежнему ни души. Только где-то вдалеке, словно подтверждая реальность мира, прокричала одинокая птица.

Он стоял на крыльце, пытаясь унять сердцебиение. Холодный пот стекал по спине. Что это было? Радиоприемник, который не может работать. Голоса, умоляющие о пощаде, предлагающие спрятать тело. «Спусти его в подвал». Чье тело? И кто говорит? И главное — когда? Может быть, это трансляция старой радиопостановки? Детективного спектакля? Да, точно. Спектакль. Какая-нибудь станция ретро-вещания... Чушь. Откуда здесь, в глуши, среди сосен и болот, взялась радиостанция, способной навести такую помеху, что она оживила обесточенный приемник?

Немного придя в себя, он попытался рассуждать здраво. Нужно вернуться. Разобраться. Он ведь инженер, в конце концов, а не истеричная барышня из готического романа. Там есть какое-то объяснение. Оно должно быть. Наверное, где-то в стене спрятан аккумулятор, а провода искусно замаскированы. Или передатчик, спрятанный в лесу, наводит сигнал на катушку динамика. Да, это маловероятно, но вероятнее, чем призраки в эфире.

Алексей заставил себя вернуться в дом. Внутри уже сгустились сумерки. Теперь тишина не казалась ему умиротворяющей. Она была наполненной, вязкой, как вода в глубоком колодце. В этой тишине любой скрип половицы звучал как выстрел. Он подошел к двери в подвал. Черный проем зиял, как открытая пасть.

Спускаться не хотелось до тошноты. Каждая клетка тела сопротивлялась, кричала об опасности. Но там, внизу, остался фонарь. И осталась загадка, которая, если ее не решить сейчас, будет терзать его всю ночь. Не дав себе времени на раздумья, он шагнул в темноту.

Ступени все так же скрипели под ногами. Холод стал ощутимее, пробирая до костей. Запах — сладковатый, химический — усилился. На полпути он замер. Снизу не доносилось ни звука. Даже шума помех. Тишина стояла мертвая. Может, приемник и правда был последней агонией какой-то цепи, которая теперь окончательно умерла?

Он нашел фонарь на том же месте, где бросил — на верстаке. Холодный металл успокоил ладонь. Луч света, разрезая тьму, уперся в старый приемник. Тот стоял на столе, темный и безмолвный. Мертвый кусок дерева и пыльных ламп. Алексей подошел ближе, внимательно осмотрел его. Никаких лампочек, никаких скрытых проводов. Сзади, в темноте, так же сиротливо висели обрывки кабеля. Он еще раз покрутил ручку громкости. Ничего. Даже треска.

— Ну, давай, — прошептал он, обращаясь то ли к приемнику, то ли к самому себе. — Поговори со мной.

В ответ — тишина. Он покрутил ручку настройки, медленно ведя по шкале с довоенными городами. Шипение. Слабое, едва уловимое. Шипение, которое могло быть просто шумом в ушах от прилившей к голове крови.

— Показалось, — выдохнул он с облегчением, смешанным с разочарованием. — Истерика. Нервы.

Он опустил руку. Ему вдруг стало стыдно за свой панический побег. Взрослый мужик, инженер, испугался радиоприемника. Дом, одиночество, развод — все это наложилось, создав галлюцинацию. Так бывает. Психосоматика. Надо просто выпить, поесть и лечь спать. Завтра, при свете дня, все будет выглядеть иначе.

Он уже развернулся к лестнице, когда из динамика донесся звук. На этот раз не треск. Не голос. А тихий, мелодичный перезвон. Словно где-то далеко зазвонили колокольчики, или кто-то перебирал струны расстроенного пианино. Звук был слабым, но чистым, и он медленно трансформировался в нечто, имеющее ритм. В музыку.

Это был старинный романс. Мелодия знакомая, щемящая душу. «Ночь светла...» — пропел вкрадчивый, мягкий тенор из динамика. Звук был настолько чистым, настолько полным, без единой помехи, словно приемник ловил самую мощную станцию в центре Москвы. И снова — никаких ламп, никакого питания. Но теперь это несоответствие не пугало Алексея. Он стоял, замороженный, слушая, как старинная мелодия заполняет холодный, сырой подвал. Она принесла с собой образы: гостиная, освещенная свечами, женщина в длинном платье у рояля, смех, звон бокалов. Прошлого этого дома. Его эхо.

А потом, так же внезапно, как и началось, пение оборвалось. И раздался голос. Спокойный, будничный, даже с нотками раздражения.

«...двенадцатого числа, как договаривались. Но только без фокусов, Сеня. Фокусы я не люблю. Ты меня знаешь...»

Снова этот низкий, вкрадчивый мужской голос, который он слышал в прошлый раз. Тот, что говорил про подвал. Но сейчас он звучал совсем рядом, словно говоривший стоял за спиной Алексея. Инженер резко обернулся, водя лучом фонаря по стенам. Никого. Только кирпичная кладка и пыльные стеллажи. Голос звучал из приемника, но эффект присутствия был ошеломляющим.

«...деньги принес? — второй голос, визгливый, торопливый. — Весь товар высшего качества, Петр Акимыч. Из-под прилавка доставал. Хозяин — зверь, чуть не спалился...»

Алексей стоял как вкопанный. Страх прошел, уступив место чему-то иному — жгучему, всепоглощающему любопытству исследователя, который наткнулся на необъяснимый феномен. Это не радиопостановка. Это не запись. Слишком много деталей. Слишком живые интонации. Это... фрагмент реальности. Реального разговора, состоявшегося здесь когда-то давно. Приемник ловил не радиоволны. Он ловил время.

Мысль была настолько дикой, настолько антинаучной, что Алексей мысленно рассмеялся. Но факты, как говорится, вещь упрямая. Мертвый приемник звучал. И звучал осмысленно.

Он просидел в подвале еще час, а может, и больше. Время в этом темном каменном мешке текло иначе. Он научился управлять «настройкой». Это было похоже на настройку обычного радио, но вместо частот были, как он понял, временные пласты. Плавное вращение ручки, он проваливался сквозь годы. Шипение сменялось обрывками фраз, звуками, музыкой. В основном — шипение, пустота, белый шум. Но иногда, словно вспышки, пробивались «передачи».

Он слышал детский плач, женский успокаивающий голос: «Тише, тише, маленький, папа скоро придет...». Слышно было, как тикают часы. Потом — взрыв хохота, звон посуды. Застолье. Несколько человек поют «Многая лета». Потом — снова мужской голос, угрожающий: «Я тебя предупреждал, Катерина...». И звук пощечины. Такой четкий, хлесткий, что Алексей поморщился.

Этот дом был не просто старым зданием. Он был губкой, впитавшей в себя страхи, радости, боль и гнев своих обитателей. А приемник был тем инструментом, который мог эти вибрации извлечь и обратить в звук.

Осознание пришло не сразу, а когда пришло — заставило сердце пропустить удар. У него в руках не просто странная вещь. У него машина времени. По крайней мере, звуковая. Он может слушать прошлое. Зачем? Просто из любопытства? Или он может... вмешаться?

Он продолжал крутить ручку, уже целенаправленно ища те голоса. Тот разговор, который он услышал первым. Женский, полный ужаса. И властный мужской, отдающий приказы. Это было не просто любопытство. Это было чувство, которое Алексей не испытывал давно — острое желание понять. Распутать детективную нить. Помочь. Если это не запись, если это окно в реальное прошлое, которое еще не свершилось, то можно ли что-то изменить? Можно ли предупредить женщину, которая молила о пощаде?

Он выкручивал ручку до предела. Шкала светилась тусклым золотом. Теперь он слышал дыхание. Тяжелое, прерывистое. Оно заполняло собой все пространство подвала. За ним — всхлипывания. Ее всхлипывания. И вдруг совершенно ясно, словно она стояла в метре от него:

— Где он? Где этот проклятый рычаг?.. Нажми на него. Нажми!

Голос был полон такого отчаяния, такой мольбы, обращенной неведомо к кому, что у Алексея перехватило горло.

— Кто ты? — прошептал он, наклонившись к динамику. — Где ты?

Шипение усилилось. Он услышал звук шагов, тяжелых, приближающихся. Хлопнула дверь. И новый голос — грубый, жестокий, который он уже знал:

— Ну что, дура, допрыгалась? Думала, сбежишь от меня?

Крик. Удар. Звук падающего тела. Все смешалось в какофонию ужаса.

— Хватит! — Алексей вскочил на ноги, не в силах больше это слушать. Он инстинктивно бросился к приемнику, словно мог помешать происходящему. Он схватился за корпус и заорал в тканевую обивку динамика: — Оставь ее! Отпусти! Я вызову полицию!

Он сам не понимал, что делает. Крик сорвался на хрип. В подвале повисла звенящая тишина. Даже шипение приемника стихло. Алексей стоял, тяжело дыша, уставившись на мертвый аппарат. Глупо. Стыдно. Безумие. Он орал на радиоприемник, пытаясь докричаться до призраков.

И в этот момент динамик ожил снова. Но голос, который из него раздался, был не женским. И не жестоким мужским. Это был... его собственный голос.

Искаженный, далекий, пронизанный эхом, словно долетевший из глубокого колодца, но неоспоримо его.

«...а... евывай... лицию...»

Фраза была смята, изломана помехами, но суть угадывалась. Алексей застыл, превратившись в соляной столб. Могильный холод сковал внутренности. Это был фрагмент его собственного, только что прокричанного слова. Он прошел сквозь время. Его слышали не в подвале — его слышали *тогда*. Дверь открылась не только для прослушивания. Она открылась в обе стороны.

Он отшатнулся от стола, запнулся о камень и упал, больно ударившись локтем. Фонарь покатился по полу, безумный луч заметался по стенам и потолку, выхватывая из мрака сводчатые тени. В этой дикой пляске света Алексею на миг показалось, что в углу подвала, у дальней стены, за стеллажом, есть какая-то ниша. Или провал. Там было темнее, чем везде.

Он вскочил, схватил фонарь и направил луч туда. Это была не ниша. Это был лаз. Грубо пробитый проход в кирпичной кладке, ведущий куда-то еще глубже, под фундамент дома. Размером примерно метр на метр. Оттуда тянуло тем самым сладковатым, тошнотворным запахом, который он почувствовал, едва приехав. Запахом, который теперь, когда он вдохнул его полной грудью, показался ему чудовищно знакомым.

Запах разложения. Запах старой, но не до конца исчезнувшей смерти.

Его собственный голос, исковерканный эфиром, все еще эхом отдавался в голове. Он не знал, что сделал. Он попытался помочь, крикнуть в прошлое, спасти ту женщину. Но что он наделал? Он дал о себе знать. Он предупредил.

А что, если убийца услышал его? Что, если он искал способ замести следы, и голос из ниоткуда, голос из стены, голос из приемника, сказал ему, как это сделать? Или, что хуже, подсказал, где еще не искали?

Луч фонаря дрожал, освещая пролом. Он не хотел туда лезть. Ни за что на свете. Все его существо кричало: беги. Уезжай прямо сейчас, ночью, бросив все. Никогда не возвращайся в этот проклятый дом.

Но вместо этого он сделал шаг вперед. Потому что в его голове, перекрывая страх, билась одна-единственная мысль. Четкая, как чертеж, и ледяная, как сталь.

«Если я сейчас туда загляну, то увижу только старые кости. Кости жертвы из прошлого. Я здесь ни при чем. Это случилось давно».

Он опустился на колени перед лазом. Сырая земля холодила ноги. Он посветил внутрь. Там, в маленькой пещерке под бетонным основанием дома, что-то лежало. Что-то завернутое в полуистлевший брезент.

Он протянул руку, ухватился за край грубой, заскорузлой ткани и потянул. Брезент поддался с мерзким, чавкающим звуком, обнажив то, что было внутри.

И в этот момент приемник, оставшийся на столе, разразился торжествующим, глумливым мужским смехом. Смехом, который звучал не из динамика, а, казалось, отовсюду сразу — из стен, из пола, из самой темноты.

Алексей смотрел в провал, и последняя надежда на то, что все это игра больного воображения, рассыпалась прахом. В брезенте лежали не старые кости.

Это было тело. Его собственное тело, в точно такой же выцветшей футболке, с теми же темными кругами у глаз. Мертвое, оскалившееся в беззвучном крике. Идеальный двойник, глядящий на него остекленевшими глазами. Только в груди, прямо напротив сердца, зияла черная, запекшаяся рана.

Он смотрел на свой труп, спрятанный в подвале дома, который купил вчера, и до него начал доходить весь чудовищный смысл случайно подслушанного разговора.

Он не просто услышал прошлое. Он в него влез. И голос убийцы, спрашивавший про «тихое место», получил ответ. Голос из будущего. Его, Алексея, голос.

Он не помог жертве. Он стал ее наследником. И теперь его собственный голос станет наводкой для убийцы. Ловушка захлопнулась.

Где-то в глубине дома, наверху, скрипнула входная дверь. Тихо. Почти неслышно.

Кто-то вошел в дом.

Глава вторая. Эхо в костях

Скрип входной двери прозвучал настолько тихо и буднично, что поначалу мозг Алексея отказался его распознавать. Этот звук, казалось, принадлежал иному миру — миру живых, миру логики, миру, где в старых домах просто гуляют сквозняки, хлопая створками. Но скрип повторился. На этот раз протяжнее, с характерным стоном разошедшегося дерева. Кто-то не просто тронул дверь — кто-то ее аккуратно прикрывал за собой. Изнутри.

Он застыл на коленях перед разрытым лазом, все еще сжимая в руке край истлевшего брезента. Свет фонаря, упавший на пол и высветивший пыльные доски, мелко подрагивал — дрожь в руке была такой сильной, что луч плясал, словно в лихорадочном бреде. В висках стучал пульс, тяжелый и частый, заглушая все остальные звуки. Он перестал дышать, превратился в слух.

Тишина. Густая, вязкая, смешанная с тяжелым смрадом разложения. Она давила на барабанные перепонки, и в ней отчетливо слышался каждый шорох. Вот скрипнула половица наверху. Не на втором этаже, нет — прямо над головой, в гостиной или в коридоре. Медленный, осторожный шаг. Человек не крался — он двигался с той особенной, хищной плавностью, которая свойственна либо очень уверенному в себе хозяину, либо тому, кто не хочет спугнуть добычу раньше времени.

Алексей почувствовал, как холод, поднимающийся от земляного пола подвала, просачивается сквозь кожу, добирается до костей, сковывает суставы. Он не мог пошевелиться. Все его существо было приковано к двум точкам: к мертвому, искалеченному лицу в брезентовом свертке — его собственному лицу, — и к звукам наверху. Две несовместимые реальности схлестнулись в его сознании, вызвав короткое замыкание. Тот, кто лежал в яме, был мертв. Тот, кто стоял на коленях, был жив. Но оба они были Алексеем.

Снова шаг. Ближе. Теперь отчетливо слышно, как под чьим-то весом прогибаются доски в коридоре, ведущем к двери в подвал. Незнакомец не спешил. Он словно наслаждался моментом, давая жертве прочувствовать весь ужас своего приближения. Или, что было еще хуже, он прислушивался, пытаясь понять, где находится новый жилец.

«Беги», — пронеслась в голове единственная ясная мысль. Но бежать было некуда. Подвал имел только один выход — та самая крутая деревянная лестница, которая упиралась в дверь в прихожей. Дверь, за которой сейчас кто-то стоял. Лаз, в котором он нашел тело, вел в никуда — это был просто земляной карман под фундаментом. Ловушка. Мышеловка, в которую он сам себя загнал.

Паника, животная, липкая, начала подниматься откуда-то из солнечного сплетения, грозя затопить остатки разума. Он с трудом подавил рвущийся из горла крик. Крик был бы смертным приговором. Вместо этого он заставил себя действовать. Медленно, миллиметр за миллиметром, он положил фонарь на пол, экраном вниз. Свет погас, и подвал погрузился в кромешную, абсолютную тьму. Такую плотную, что, казалось, ее можно потрогать руками.

Теперь он слышал только звуки. Сердце колотилось где-то в горле, пульс оглушительным набатом отдавался в ушах. Он попытался унять дрожь, замедлить дыхание, стать бесшумным, как сама темнота. Рука сама собой нащупала на полу что-то тяжелое — то ли обломок кирпича, то ли камень. Пальцы сомкнулись на холодной, шершавой поверхности. Хлипкое оружие, но лучше, чем ничего.

Наверху воцарилась тишина. Она длилась секунд десять — невероятно долгих, выматывающих душу секунд. Незнакомец остановился. Прислушивался. Может быть, смотрел на дверь в подвал. Алексей представил, как тот стоит в полумраке коридора, положив руку на дверную ручку, и медлит. Чего он ждет? Может, он не знает, что хозяин дома именно здесь, внизу? Может, есть шанс, что он уйдет?

И тут тишину разорвал новый звук, от которого кровь застыла в жилах. Голос. Тот самый мужской голос — низкий, с хрипотцой, который он слышал из приемника. Голос, отдающий приказы, полный жестокой иронии. Но теперь он звучал не из динамика. Он доносился сверху, из-за неплотно прикрытой двери подвала.

— Эй, хозяин! — голос был спокойным, почти добродушным. — Я знаю, что ты там. Чего затаился, как мышь под веником? Выходи, гость к тебе пришел. По-соседски, так сказать.

Каждое слово било наотмашь. Это не был призрак, не галлюцинация, не игра воображения. Это был реальный человек. Человек, чей голос Алексей уже слышал — в передаче из прошлого, где он отдавал приказы спрятать тело. И этот человек стоял сейчас наверху. Но как? Прошло много лет. Десятилетия. Голос из приемника принадлежал другой эпохе. Его обладатель давно должен был превратиться в прах. Если только... если только приемник не транслировал прошлое в реальном времени. Или если время здесь, в этом проклятом доме, не подчинялось никаким законам физики.

Алексей не ответил. Он вжался в стену у самого лаза, чувствуя спиной холодную кирпичную кладку. Дыхание перехватило. Он молился, чтобы незнакомец не услышал стук его сердца.

— Не хочешь по-хорошему? — в голосе прорезались первые нотки угрозы. — Ну, как знаешь. Я ведь к тебе с угощением.

Послышался глухой стук — что-то тяжелое поставили на пол. Потом шаги. На этот раз не осторожные, а тяжелые, уверенные. Незванный гость больше не скрывался. Он шел к двери подвала. Петли протяжно скрипнули, и в проеме, где раньше была лишь черная полоска, теперь образовался темно-серый прямоугольник — свет с улицы, проникающий в дом через окна. На фоне этого смутного пятна возник силуэт.

Высокий, массивный мужчина. Плечистый, с крупной головой, посаженной на короткую шею. Черты лица тонули во мраке, но было видно, как блеснули глаза и что-то белое — то ли зубы в усмешке, то ли белки. Он замер на верхней ступени, вглядываясь в темноту.

— Ты, я гляжу, вещи разбирать начал? — произнес он, и в голосе послышалось что-то похожее на удовлетворение. — Хорошо. Дом должен жить. А то застоялся, понимаешь. Только вот старые вещи трогать не надо. Особенно те, что в подвале. Это мое. Личное.

Он сделал шаг вниз. Ступенька отчаянно заскрипела. Алексей сжал в руке камень. Бежать было некуда. Если он встанет и бросится к лестнице, то окажется прямо перед этим человеком. Оставалось только ждать и надеяться на чудо.

— Ты чего молчишь-то? — незнакомец остановился. — Забыл, как говорить? Я слышал, ты тут разорялся минут десять назад. Кричал кого-то. Вызывал. Или мне показалось?

Сердце ухнуло в пятки. Он слышал. Слышал его крик в приемник. Только этот крик предназначался прошлому, женщине, которая молила о помощи. А услышал его этот... человек? Существо? Призрак? Кто бы он ни был, он отреагировал на голос Алексея так, словно тот позвал его самого. И теперь пришел. По приглашению.

— Ладно, — незнакомец вздохнул с деланным разочарованием. — Раз ты такой нелюдимый, я тогда тут посижу, подожду. Мы с тобой все равно познакомимся. Рано или поздно. У нас с тобой теперь много общего.

Он развернулся и, к невероятному облегчению Алексея, стал подниматься обратно. Еще одна ступенька скрипнула под его тяжестью. Потом другая. Свет в дверном проеме снова заслонила тень. Затем дверь в подвал с тем же тихим стоном закрылась, и воцарилась прежняя тишина.

Но теперь она была иной. Не пустой, а наполненной чьим-то присутствием. Там, наверху, кто-то был. Кто-то, кто знал о нем, кто пришел к нему, кто называл себя хозяином старых вещей. Кто-то, чей голос был вплетен в ткань этого дома, как гнилая нить в гобелен.

Алексей еще долго сидел в темноте, не в силах пошевелиться. Мышцы затекли, холод сковывал суставы. Сознание работало рывками, урывками, пытаясь переварить случившееся. Труп в

подвале. Его собственный труп. Приемник, транслирующий время. И теперь — живое воплощение голоса из приемника, которое пришло к нему в дом и уселось на кухне, как у себя дома. Что из этого было реальным? Может быть, ничего? Может быть, он сошел с ума? Психоз, вызванный стрессом, одиночеством, разводом? Врачи говорили, что после тяжелых потрясений возможны галлюцинации. Слуховые, зрительные, тактильные. Но галлюцинации не скрипят половицами с такой реалистичностью. И у них нет запаха. А запах из ямы никуда не делся — он щекотал ноздри, сладковатый и тошнотворный.

Ему нужно было убедиться. Убедиться, что то, что он видел в яме — правда. Для этого нужен был свет. Фонарь лежал рядом. Он нашарил его в темноте, дрожащими пальцами нащупал кнопку. Щелчок — и луч света разрезал тьму. Алексей зажмурился от рези в глазах, потом медленно, очень медленно перевел взгляд на лаз.

Он надеялся. На что? На то, что там ничего нет. Что это была игра теней, обман зрения, причудливая форма страха, породившая мираж. Он надеялся, что сейчас увидит пустую земляную нишу, старые доски, может быть, мусор. Что угодно, только не это.

Но брезентовый сверток был на месте. И из-под его края торчала человеческая рука. Его рука. С точно такими же длинными пальцами, с точно таким же шрамом на указательном — след от детской травмы, когда он порезался о консервную банку. С точно таким же обручальным кольцом, которое он, по иронии судьбы, так и не снял после развода.

Он смотрел на кольцо и чувствовал, как рассудок, до этого висевший на волоске, с тихим звоном обрывается. Это было уже не просто видение. Это была материальная, физическая улика. Улика его собственной смерти. Он мог бы протянуть руку и коснуться этого кольца. Почувствовать холод мертвого металла и еще более холодной плоти. Но он не мог заставить себя сделать это.

Сколько он так просидел — неизвестно. Минуты, часы? В подвале не было чувства времени. Наконец, холод и оцепенение начали отступать, уступая место другой эмоции — глухой, отчаянной злобе. Злобе на самого себя, на свою слабость, на этот проклятый дом, на незнакомца наверху. Он не мог сидеть здесь вечно. Рано или поздно нужно было выбираться.

Осторожно, стараясь не шуметь, он поднялся на затекшие ноги. Каждая мышца болела. Он подобрал фонарь, еще раз взглянул на лаз, словно желая навсегда запечатлеть в памяти это зрелище, и повернулся к лестнице. Нужно было действовать. Оценить обстановку. Понять, ушел ли незванный гость или действительно сидит в гостиной, поджидая его.

Подъем по лестнице превратился в пытку. Старые ступени скрипели при малейшем движении. Он ставил ногу на самый край, ближе к стене, где доски держались крепче, и замирал, прислушиваясь. Тишина наверху стояла мертвая. Словно дом затаил дыхание вместе с ним.

Дверь подвала была прикрыта неплотно. Алексей прильнул к щели, вглядываясь в темный коридор. В доме было почти так же темно, как и в подвале. Сумерки сгустились, а свет на крыльце он так и не зажег. В прихожей угадывались очертания старого зеркала, тускло отражавшего бледный прямоугольник входной двери. В гостиной, кажется, никого не было.

Он потянул дверь на себя. Та отозвалась громким, предательским скрипом. Алексей замер, ожидая, что сейчас из темноты на него бросится массивная фигура. Но ничего не произошло. Он выскользнул в коридор, чувствуя себя вором в собственном доме.

Первым делом он подошел к входной двери. Она была не заперта. Более того, она была прикрыта так аккуратно, что язычок замка лишь слегка касался паза. Его не просто не заперли — ему оставили путь к отступлению. Или, наоборот, давали понять, что он свободен в любой момент уйти. Беги, мол. Только далеко ли убежишь от самого себя?

Справа, на кухне, что-то блеснуло. Слабый лунный свет, просачивающийся сквозь немытое окно, упал на предмет, стоящий посреди обеденного стола. Алексей подошел ближе, щурясь в темноте.

Это была банка. Стеклянная, литровая, с завинчивающейся крышкой. В банке, залитые какой-то мутной жидкостью, плавали... яблоки. Обычные моченые яблоки. Он узнал этот запах — сладковатый, с пряностью. То самое «угощение», о котором говорил незнакомец. Рядом с банкой лежала записка, нацарапанная чем-то острым прямо на клочке оберточной бумаги. Почерк был корявым, с сильным нажимом, буквы плясали: «С новосельем. Не лезь куды не просят. П. А.»

П. А. Петр Акимыч. Имя, произнесенное тогда, в эфире. Имя, которое он подсознательно боялся услышать снова. Значит, это не плод его больного воображения. Это реальный человек. Или тот, кто выдает себя за него. И он был здесь. Сидел, возможно, на этом самом стуле, писал эту записку, пока Алексей вжимался от страха в стену подвала. Он знает о приемнике. Он называет его «своим». И он предупреждает.

Алексей взял банку в руки. Стекло было холодным. Он машинально открутил крышку. Пахнуло детством, бабушкиным домом, каким-то давно забытым уютом. Настолько не вязавшимся со всем происходящим, что на глаза навернулись слезы. Он поставил банку обратно. Есть не хотелось. Хотелось пить. И еще больше — хотелось понять.

Он запер входную дверь на засов. Старый, кованый, он выглядел так, словно мог выдержать удар тараном. Но поможет ли он против того, кто, кажется, мог проходить сквозь время так же легко, как сквозь двери? Алексей не знал. Но физическое действие — запираание замка — принесло крохотное облегчение, иллюзию контроля.

Он прошел в гостиную, стараясь не смотреть на темный провал камина, и без сил рухнул на старый диван. Пыль взметнулась облаком, заставив закашляться. Он лежал в темноте, глядя в потолок, где угадывались трещины, похожие на карту неведомых рек. Мысли путались. Он пытался выстроить хронологию событий, но все рассыпалось, как карточный домик.

Допустим, приемник действительно транслирует прошлое. Допустим, его крик был услышан тогда, в той точке времени. Допустим, это изменило ход событий. Убийца, Петр Акимыч, услышал голос из ниоткуда, голос, кричащий «Оставь ее!», и это его не столько испугало, сколько разозлило и навело на мысль. На мысль подставить другого. Сделать так, чтобы тело нашли не там, где он его спрятал. Или наоборот — спрятать новое тело там, где его не будут искать.

Но почему его тело? Почему Алексея? Ведь он жив. Он сидит здесь и мыслит. «Я мыслю — значит, я существую», — пронеслось в голове кем-то сказанное. Но если он существует, то кто лежит в яме? Двойник? Параллельная реальность? Или... труп — это он сам, но из будущего? Предупреждение? Послание от самого себя, которое он пока не в силах расшифровать?

Гипотезы множились, одна безумнее другой. Единственным ключом ко всему был приемник. Нужно было вернуться в подвал. Включить его снова. Попытаться поговорить, но уже осознанно. Задать вопросы. Узнать, что случилось с той женщиной. Почему Петр Акимыч жив, если события происходили, судя по всему, в середине прошлого века. Кто он такой? И, главное, как разорвать эту петлю, в которую он угодил.

Но сейчас, ночью, сил на это не было. Тело требовало отдыха. Веки налились свинцом. Усталость последних месяцев, помноженная на сегодняшний шок, навалилась с неумолимостью цунами. Он закрыл глаза, пообещав себе, что только на минуту. На минуту, чтобы дать отдых глазам, и потом сразу встанет.

Он открыл глаза от холода. Солнце уже взошло, заливая гостиную ярким, даже режущим светом. Лучи падали на пыльный пол, высвечивая бесчисленные пылинки, танцующие в воздухе. Где-то за окном громко и настойчиво чирикала птица. Мир выглядел до неприличия обыденным.

Несколько секунд Алексей лежал, не двигаясь, наслаждаясь этим обманчивым ощущением покоя. Утро всегда приносит облегчение. Ночные страхи кажутся глупыми, иррациональ-

ными. Может, и сейчас? Может, не было никакого трупа в подвале? Никакого гостя с банкой яблок?

Он сел на диване, и тело тут же отозвалось болью в затекших мышцах. Левая рука онемела — во сне он неудачно подвернул ее под голову. Он потряс кистью, разгоняя кровь, и увидел его. Обручальное кольцо. Точно такое же, как на той руке в яме. Воспоминания нахлынули с тошнотворной ясностью. Нет, это не был сон.

Он встал и первым делом проверил входную дверь. Засов был задвинут. Следов взлома не было. На кухонном столе, залитая утренним солнцем, стояла банка с мочеными яблоками. Жидкость в ней слегка пузырилась, а одно яблоко всплыло наверх, демонстрируя бледный, размякший бок. Рядом лежала записка. Почерк был тем же — грубый, с нажимом. Значит, и это правда.

Он чувствовал себя разбитым, грязным и страшно голодным. Из еды у него были только консервы и гречка, которую он привез с собой. Готовить на старой плите, не проверив ее как следует, было бы безумием. Он ограничился сухим галетным печеньем и водой из-под крана. Холодная вода немного взбодрила.

Нужно было наладить быт. Как бы ни было велико искушение немедленно бежать в подвал и крутить ручки приемника до посинения, он понимал, что так долго не протянет. Ему нужен был свет, возможность заряжать телефон (хотя связи здесь не было, он мог служить хотя бы диктофоном и календарем), нормальная еда. Ему нужна была база. Убежище.

Он вышел во двор, впервые за все время чувствуя что-то похожее на решимость. Солнце уже поднялось над лесом, и его лучи, пробиваясь сквозь кроны сосен, рисовали на траве золотые дорожки. Воздух был свеж и прохладен, напоен ароматом хвои. Дом при свете дня выглядел не таким зловещим, скорее — печальным и заброшенным. Старым инвалидом, доживающим свой век в одиночестве.

Он нашел электрощиток сбоку от крыльца. Тот был опечатан, но, вооружившись монтировкой, Алексей легко сорвал пломбу. Внутри царил хаос из старых, пожелтевших проводов и советских пробок. Он был инженером-электриком по образованию и, хотя давно не работал руками, базовые навыки сохранил. Провозившись около часа, перебирая клеммы, зачищая контакты и заменяя одну из перегоревших пробок на новую, которую нашел в бардачке машины, он добился своего. В доме загорелся свет. Тусклая лампочка Ильича под потолком в прихожей залила коридор желтоватым, мертвенным сиянием.

Это была маленькая победа. Победа здравого смысла над хаосом. Свет преобразил дом. Из логова призраков он превратился просто в обветшалое строение, требующее мужских рук. Алексей даже позволил себе слабую улыбку. В конце концов, он для того сюда и ехал. Чтобы чинить. Восстанавливать. Возвращать к жизни.

Он проверил розетки — несколько из них работали. Поставил телефон на зарядку. Затем занялся осмотром сарая. Там, среди хлама — старых граблей, дырявых ведер и рассохшихся бочек — он нашел почти новые доски, моток проволоки и даже старый топор с еще крепким топищем. Все это могло пригодиться. Он перенес находки в дом, чувствуя почти физическое удовлетворение от простого, понятного труда. Это отвлекало. Не давало думать о подвале.

Но подвал ждал. Он чувствовал его присутствие всем своим существом, как магнитное поле. Когда солнце перевалило за зенит и начало клониться к западу, Алексей понял, что больше откладывать нельзя. Он не мог оставаться в неведении. Эта попытка была хуже любого, даже самого ужасного знания.

На этот раз он подготовился. Взял мощный аккумуляторный фонарь, который купил специально для поездки. Взял блокнот и карандаш, чтобы записывать все, что услышит. Взял увесистый гаечный ключ — не для починки, а для самообороны. И взял себя в руки.

Спускаясь в подвал, он уже не чувствовал того парализующего ужаса, что вчера. Страх остался, но теперь он был сжат в тугую пружину где-то внутри, сконцентрирован и###. Он был

исследователем, входящим в опасную зону. Он знал, что там, внизу, лежит тело. Знал, что там стоит аномальный прибор. Знал, что, возможно, за ним наблюдают. Но он шел.

Светодиодный фонарь залил подвал ярким, почти дневным светом. Вчерашний мрак отступил, спрятался по углам. Он первым делом посмотрел на лаз. Брезентовый сверток был на месте. Алексей заставил себя подойти ближе, наклониться. Да, это было тело. Его тело. Иллюзий не оставалось. Но теперь он заметил детали, которые ускользнули от него вчера. Одежда на трупe была та же, но ткань выглядела более ветхой, словно пролежала здесь не один год. И кольцо... На его живом пальце кольцо было гладким, хоть и поцарапанным. На мертвом оно было покрыто толстым слоем окиси, как старинная медная монета. Время по-разному действовало на них. Или же это тело принадлежало другому отрезку времени.

Он записал в блокнот: «Тело в яме. Идентично моему. Кольцо окислено. Причина смерти — колото-резаная рана в груди. Возраст трупа визуально больше нескольких месяцев». Спокойные, протокольные фразы помогали сохранять рассудок.

Затем он повернулся к приемнику. Тот стоял на столе, темный и безмолвный. Деревянный корпус при дневном свете фонаря выглядел еще более старым и потертым. Эмблема завода — все-таки «Звезда». В углу, возле ручки громкости, виднелось выжженное клеймо с инвентарным номером.

Он подошел к столу, положил блокнот и ключ рядом. Протянул руку к приемнику, но в последний момент остановился. Вдруг стало страшно. Вдруг он снова что-то ломает, вмешается не в свое дело и сделает только хуже? Он вспомнил слова незнакомца: «Не лезь куда не просят». Может, он прав? Может, лучше просто уехать? Прямо сейчас бросить все, сесть в машину и никогда не возвращаться?

Но он знал, что не уедет. Потому что вчера он перешел черту. Он услышал зов о помощи и ответил. Теперь он был частью этой истории. И частью этого дома.

Он решительно повернул ручку.

Приемник ожил не сразу. Сперва послышалось слабое гудение, словно где-то внутри заработал трансформатор. Потом по корпусу пробежала легкая вибрация. И наконец — знакомое шипение, наполненное шепотом сотен голосов, сливающихся в белый шум. На этот раз он настраивался гораздо осторожнее, едва касаясь пальцами шершавого пластика ручки. Он пытался найти ту самую «волну», на которой говорила женщина.

Шипение сменялось музыкой, музыка — обрывками разговоров. Он узнал голос диктора, читавшего сводку погоды за 1972 год. Потом — детскую передачу «Пионерская зорька». Потом — снова гул застолья. Он проходил сквозь десятилетия, как ныряльщик сквозь слои воды разной температуры. И наконец услышал ее.

Тихий плач. Монотонное, убаюкивающее бормотание. Молитва. «Богородице Дево, радуйся...» Женский голос дрожал, срывался, но продолжал упрямо повторять слова молитвы.

— Я здесь, — прошептал Алексей, наклонившись к динамику. — Я вас слышу. Пожалуйста, скажите, где вы. Когда вы. Что происходит?

Плач прекратился. Повисла напряженная, звенящая тишина. А затем голос, полный изумления и робкой, почти безумной надежды, произнес:

— Кто здесь? Господи... Это ты, Господи?

— Нет, — ответил Алексей, стараясь говорить как можно спокойнее и четче. — Я не Бог. Я человек. Меня зовут Алексей. Я слышу вас через этот приемник. Я знаю, что вы в опасности. Я хочу помочь.

Он замолчал, ожидая ответа. Тишина длилась так долго, что он уже решил, что потерял связь или что женщина ему не поверила. Но потом голос зазвучал снова, на этот раз тверже:

— Если ты человек, то как ты говоришь со мной через стену? Ты от него? От Петра Акимыча? Это новая уловка?

— Нет! — поспешил заверить он. — Я не от него. Я тот, кто... нашел этот дом много лет спустя. Для меня вы — прошлое. Понимаете? Я слышу вас, потому что этот дом хранит эхо времени. Я не могу объяснить, но это правда. Расскажите, что с вами случилось. Кто вы?

Снова пауза. Затем — тяжелый вздох.

— Меня зовут Аглая. Аглая Тихонова. Я работала здесь, в этом доме. У Петра Акимыча, купца Горелова. Горничной. Он... он зверь, а не человек. У него в подвале притон. Карты, девки, опиум. А я увидела лишнее. Я увидела, как он убил человека. Своими руками задушил, за карточный долг. Я побежала донос писать в участок, а он прознал. Его люди схватили меня у самой околицы. Теперь держат в подвале, в холодной кладовой. Говорят, убьют, как стемнеет. Тело в лесу закопают.

Каждое слово падало тяжелым камнем. Аглая. Подвал. Купец Горелов. Карты и опиум. Все сходилось. Значит, время действия — Российская империя. Начало века, возможно, десятилетия. Он слушал голос из прошлого и чувствовал, как внутри закипает бессильная ярость.

— Аглая, послушайте меня внимательно. Я не знаю, как долго смогу говорить. Времени мало. Вы должны выбраться. Там, в подвале, есть лаз. В дальней стене, за стеллажами. Он заложен кирпичами, но кладка старая. Попробуйте разобрать ее. Там есть узкий проход. Он выведет вас... — он запнулся. Куда он выведет? Он не знал. — Он выведет вас в другую часть подвала. Может быть, там есть выход наружу. Это ваш единственный шанс.

— Лаз? — в голосе Аглаи послышалось сомнение. — Я знаю здесь каждый угол, нет тут никакого лаза.

— Есть! — настаивал Алексей. — Вы просто не видите его. Он в темноте. Ищите! И еще... Петр Акимыч. Он опасен. Не верьте ему, что бы он ни говорил. Если он поймает вас...

Он не договорил. В динамике что-то щелкнуло, и в разговор вклинился третий голос. Грубый, насмешливый голос, от которого у Алексея кровь застыла в жилах.

— Аглая? Ты с кем это там шушукаешься, птичка моя?

Это был он. Петр Акимыч. Он был там, рядом с ней, и он слышал разговор. Или, по крайней мере, слышал ее голос.

— Ни с кем, — испуганно ответила Аглая. — Молитву читаю.

— Молитву? — хохотнул купец. — А мне послышалось, будто ты советы даешь. Насчет лаза какого-то. Интересно, откуда ты про него знаешь? Я про этот лаз только вчера от верного человека услышал. От человека, который мне большой секрет открыл. Из будущего, сказал, голос был. Все про тебя рассказал. И про то, что ты доносчица. И про то, где тело мое спрятано будет, если я не поостерегусь.

У Алексея перехватило дыхание. Вот оно. Он не помог Аглае. Он подписал ей приговор. Его голос стал тем самым «голосом из будущего», который рассказал Горелову о предательстве горничной. Замкнутый круг. Петля времени, которую он затянул собственными руками.

— Отпустите меня, Петр Акимыч! — взмолилась Аглая. — Христом Богом прошу!

— Отпущу, — вкрадчиво сказал купец. — Всенепременно отпущу. Вон, дружок твой, что сквозь стены говорит, уже и местечко для тебя присмотрел. Ла-аз... Хорошее слово. Тихое.

Послышался звук борьбы, короткий женский крик, полный отчаяния, и глухой удар. Что-то тяжелое упало на пол. Потом — тишина. И мерный, спокойный голос Горелова, обращенный уже не к Аглае, а к нему. К Алексею.

— Ну что, добрый человек из будущего? Доволен? Помог девице? Век тебя не забуду. Ты мне такую услугу оказал — и про донос рассказал, и про лаз этот старый напомнил. Я его еще до революции замуровал, а ты воскресил. Теперь будет куда лишние тела девать. А тебя, благодетеля моего, я, так и быть, тоже упомяну. В завещании.

Раздался громоподобный хохот, от которого, казалось, завибрировали стены подвала. И приемник смолк. На этот раз окончательно. Даже лампы перестали светиться.

Алексей стоял, окаменев. Блокнот и карандаш выпали из ослабевших пальцев. Он все понял. Он — причина смерти Аглаи. Он — тот, кто дал убийце идею. Он — соучастник, разделенный со своей жертвой столетием. Хуже того. Он понял, что Петр Акимыч Горелов, купец и убийца, не просто существует в прошлом. Он знает о будущем. Он знает об Алексее. И он нашел способ дотянуться до него сквозь время. Яблоки на столе. Записка. Голоса. Все это не было случайностью. Горелов вел свою игру. И Алексей был в ней пешкой.

Он в ярости ударил кулаком по столу. Приемник подпрыгнул, из него что-то жалобно звякнуло. Ярость — на себя, на Горелова, на этот проклятый дом — душила его. Он хотел крушить, ломать, уничтожать. Но вместо этого он опустил на колени и заставил себя дышать.

Когда первый приступ прошел, он поднялся и подошел к лазу. Тело Аглаи? Нет. Там по-прежнему лежал только один труп. Его собственный. Но теперь он знал, что где-то там, глубже, под слоем земли, могут лежать и другие. Те, кого Горелов прятал здесь десятилетиями. Жуткий подвал-склеп.

И вдруг его осенила мысль, простая и страшная. Если он слышал прошлое, и прошлое слышало его, то значит ли это, что он может слышать и будущее? Может ли он узнать, как и когда погибнет он сам? Как он оказался в этой яме с дырой в груди?

Он снова бросился к приемнику, дрожащими руками схватился за ручку настройки. Надо крутить вперед. Не назад, в девятисотые годы, а вперед. В то время, которое еще не наступило. В свое будущее.

Ручка двигалась туго, но теперь он словно чувствовал плотность времени. Прошлое было тяжелым, вязким, темным. А будущее... Оно отзывалось странным, тонким звоном. Как натянутая струна, готовая лопнуть. Он крутил ручку вправо, дальше и дальше, пока шкала не уперлась в ограничитель. Лампы вспыхнули ослепительно-белым светом, так что пришлось зажмуриться.

Из динамика полился звук. Не шипение. Не голоса. Это был звук дождя. Тяжелые капли барабанили по чему-то железному, может быть, по крыше. Потом — раскат грома. И сквозь эту бурю — его собственный голос. Запыхавшийся, сорванный, полный панического ужаса.

«...не может быть. Этого не может быть! Я же закрыл дверь. Я же запер ее!»

Алексей слушал самого себя из будущего, и холод бежал по его спине. Он кричал там, впереди. Спасался от кого-то.

Потом — тяжелые, неторопливые шаги. И голос Горелова, звучащий уже не как трансляция из прошлого, а как реальный звук, проникающий в мозг, минуя барабанные перепонки:

«От судьбы, Лексей, не уйдешь. Я тебя загодя определил. На новое место. Ты же сам его и нашел».

Снова хохот. И звук удара. Звук падающего тела. Его тела.

Приемник замолчал. Вспышка погасла. Наступила тишина.

Алексей стоял в центре подвала, тяжело дыша, и понимал: он только что слышал свое убийство. Убийство, которое еще не произошло, но которое неумолимо приближалось. Он знал, кто его убьет. Знал, где это случится. Знал, что будет напуган и попытается сбежать.

Но самое страшное было даже не это. Самое страшное заключалось в том, что в этом коротком фрагменте будущего он не услышал ни одного своего слова о том, как этого избежать. Он кричал, что запер дверь, но это не помогло.

Петр Акимыч Горелов, купец, умерший, должно быть, еще до войны, каким-то непостижимым образом существовал вне времени и подбирался к нему.

И убежище, которое так тщательно выбирал Алексей, его тихая берлога, его дом-исповедник, превратилось в ловушку, из которой, судя по всему, не было выхода. Он сам, своими руками, снял этот дом. Сам нашел приемник. Сам ответил на зов. Сам указал убийце путь. Сам вырыл себе могилу в чужом времени.

Глава третья. Голоса в крови

Алексей не спал почти трое суток, но сон не шел. Стоило смежить веки, как перед внутренним взором вставала одна и та же картина: он сам, бледный как полотно, с черной дырой в груди, глядит остекленевшими глазами в низкий свод подвала. И голос Горелова, вибрирующий, вкрадчивый, проникающий под черепную коробку, нашептывал: «Ты же сам его и нашел... сам... сам...» Эхо этого шепота, казалось, поселилось в стенах дома, и стоило лишь прислушаться, как оно начинало сочиться из каждой щели. Он лежал на продавленном диване в гостиной, уставившись в грязный потолок, и чувствовал, как по вискам медленно, но неумолимо растекается холод. Холод, который не имел ничего общего с температурой воздуха. Это был холод обреченности.

Утренний свет, пробивавшийся сквозь немытые стекла, не принес облегчения. Он лишь четче обрисовал контуры катастрофы. Вчерашняя запись в блокноте лежала на полу у дивана: «Тело в яме. Причина смерти — ножевое. Горелов — убийца. Я — следующая жертва». Сухие, протокольные фразы, которыми он пытался отгородиться от безумия, теперь выглядели нелепо. Словно записи натуралиста, который, попав в пасть ко льву, скрупулезно описывает его зубы.

Первым осознанным желанием было бежать. Бросить все, сесть в машину и уехать как можно дальше, затеряться в шумном городе, где нет старых домов, скрипучих половиц и проклятых радиоприемников. Он даже встал, натянул куртку, схватил ключи от внедорожника и вышел на крыльцо. Утренний холод обжег щеки, запах хвои и прели ударил в нос, но уже не бодрил, а душил. Он подошел к машине, дернул ручку двери. Заперто. Он нажал кнопку на брелоке — тишина. Аккумулятор сел в ноль. Даже лампочки на панели не загорелись, словно кто-то выпил из машины всю жизнь, оставив лишь мертвый металлический остов.

Он обошел внедорожник кругом, бессмысленно пиная колеса. Может, просто провода окислились? Он открыл капот, уставился на двигатель с той смесью отчаяния и злости, которая предшествует капитуляции. Все было на месте, но аккумулятор был не просто разряжен — он был холоден и мертв, словно камень. Ни искры. Ни намек на электричество. Как и приемник.

Тогда он решил идти пешком. Десять километров до поселка — не расстояние. Но стоило ему ступить за калитку, как дорога, еще вчера накатанная, с четкими колеями, показалась размытой, заросшей, словно ею не пользовались годами. Ветки кустов сомкнулись над тропой, образуя темный тоннель, в глубине которого клубился туман. И в этом тумане ему почудилось движение. Не звериное — человеческое. Массивная фигура, стоящая неподвижно, скрестив руки на груди, и наблюдающая. Ждущая. Он замер, сердце бешено заколотилось. Фигура не двигалась, но в ее неподвижности было больше угрозы, чем в стремительном броске. Алексей попятился, споткнулся о корень и, не помня себя, бросился обратно к дому. Захлопнул дверь, задвинул тяжелый засов. Сел на пол в прихожей, привалившись спиной к стене, и задышал часто, поверхностно, как загнанный зверь. Бежать было некуда. Дом не отпускал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.